

УДК 34

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-406-414

**Парадигмы насилия и перспективы свободы.
Рецензия на книгу
«Философия войны и мира, насилия и ненасилия»
(под редакцией В.П. Римского. М. : Академический проект, 2019 г., 462 с.)**

Рубежанский С.А., Ивашина Р.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Белгород, ул. Победы 85, Россия
E-mail: ivashina@bsu.edu.ru

Аннотация. Данная книга вышла в свет в юбилейный год, посвященный 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. включает научно-философские размышления отечественных и зарубежных философов и филологов, которые представили к вниманию читателя современное понимание войны и мира, насилия и ненасилия. Эти парадоксальные феномены и попытки их осмысления сопровождают человечество с момента их появления и остаются актуальными в наше время. Научный интерес к данной книге обусловлен полемическим и диалогическим контекстами, вызванными не совпадающими идеями и теоретическими позициями авторов. Содержание включает введение, две обширные части, которые содержат одиннадцать и двенадцать глав соответственно, и заключение в виде отдельного соавторского рассуждения (научного труда) Виктора Павловича Римского и Сергея Николаевича Борисова.

Ключевые слова: человек, насилие, война, свобода, ненасилие, культура, общество.

Для цитирования: Рубежанский С.А., Ивашина Р.А. 2021. Парадигмы насилия и перспективы свободы. Рецензия на книгу «Философия войны и мира, насилия и ненасилия» (под редакцией В.П. Римского. М. : Академический проект, 2019 г., 462 с.). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (2): 406–414. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-406-414

**Paradigms of violence and perspectives of freedom.
Review of the book
"Philosophy of War and Peace, Violence and Nonviolence"
(edited by V.P. Rimsky. M. : Academic Project, 2019, 462 p.)**

Rubezhansky S.A., Ivashina R.A.

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015 Russia
E-mail: ivashina@bsu.edu.ru

Abstract. This book was published in the jubilee year dedicated to the 190th anniversary of the birth of L.N. Tolstoy. This work includes scientific and philosophical reflections of domestic and foreign philosophers and philologists, who presented to the reader's attention the modern understanding of war and peace, violence and non-violence. These paradoxical phenomena and attempts to comprehend them have been accompanying humanity since the moment of their appearance and remain relevant in our modern time. The scientific interest of this book is due to the polemical and dialogical context (and) caused (and) by the conflicting ideas and theoretical positions of the authors. The content of this book includes an introduction, two extensive parts (each of which contains eleven and twelve chapters, respectively) and a conclusion in the form of a separate co-author's discourse (scientific work) of Viktor Pavlovich Rimsky and Sergei Nikolaevich Borisov.

Key words: man, violence, war, freedom, non-violence, culture, society.

For citation: Rubezhansky S.A., Ivashina R.A. 2021. Paradigms of violence and perspectives of freedom. Review of the book "Philosophy of War and Peace. Violence and Nonviolence" (edited by V.P. Rimsky. M.: Academic Project, 2019, 462 p.). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (2): 406–414 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-406-414

Актуальность темы данной книги обусловлена тем обстоятельством, что военные действия как форма разрешения межгосударственных конфликтов являются постоянными сопутствующими человеческой истории. Только XX столетие вместило в себя две мировые войны. А наш XXI век, по меткому замечанию Виктора Павловича Римского, «преисполненный постмодернистской глобализацией, наряду с политико-идеологическим терроризмом, актуализировал и нетривиальные формы войны и насилия – информационные, символические и т. п.» (Философия войны и мира, насилия и ненасилия, с. 6).

Но не только межгосударственные отношения преисполнены войнами, террором и революциями, но и простые люди (в частности в семьях) не смогли путем нравственного совершенствования преодолеть такие формы насилия, как убийства, самоубийства, побой, издевательства. Данное обстоятельство ставит резонный вопрос, озвученный во введении рассматриваемой нами книги: «Можно ли ненасилие противопоставить многообразным формам войны и насилия, или мы должны оставаться в пространстве правового, легитимного (государственного) насилия и "общечеловеческих" норм морали, которые ограничили и регулировали насилие в истории человечества?» (там же, с. 6). Дилемма «насилие и ненасилие», помимо философско-мировоззренческого значения, имеет и сугубо практическое, поскольку формы разрешения межличностных конфликтов упираются в парадоксы бытия каждого человека. В.П. Римский справедливо указывает, что «фокус философской мысли, рассматривающий проблематизацию войны и мира, смещается в сторону более крупных социальных и политических объектов или размывается до абстрактной нормативной этики» (с. 70), тем самым нивелируется «живой человек», взятый в его непосредственной бытийной историчности.

Исследование в данной книге, опирающееся на историко-философские традиции, результаты социально-гуманитарных наук в понимании и интерпретации феноменов войны и мира, насилия и ненасилия, предполагает решение проблемного противоречия, выраженного в вопросе: «Являются ли война и насилие онтологическими основаниями человеческого бытия или выражают феноменальные конфигурации культурно-исторического существования человека?» (с. 70).

Переходя к рассмотрению содержания данной книги, отметим, что семь глав из двадцати трех принадлежат научному изысканию Римского Виктора Павловича (совместно с другими авторами). Данное обстоятельство свидетельствует о высоком научном интересе и кропотливой интеллектуальной работе Виктора Павловича. Нам видится правильным рассмотреть именно эти главы.

Первая глава называется «Философское понимание насилия и ненасилия». В.П. Римский и С.Н. Борисов в самом начале указывают на слабую понятийную составляющую самого феномена насилия в философии и социально-гуманитарном знании в целом. И как следствие концепт «насилие» не вписан в общефилософский категориальный ряд. Данное обстоятельство не позволяет перейти от содержательного, генетического и концептуального к онтологическому и философско-антропологическому осмыслению насилия. Авторы

для своей работы определяют следующие принцип и положение: «насилие следует отличать от агрессии» и ч «насилие следует считать сугубо феноменом человеческой витальности и экзистенции» (с. 12).

Авторы, начиная свое исследование с наиболее репрезентативных и типичных трактовок насилия с целью выработать для него собственные первичные определения, отмечают, что «не только в отечественном, но и в западном научном дискурсе проблемное поле насилия нагружено политическими смыслами» (с. 13). Лишь в постсоветское время, когда апология революционного насилия угасает, ситуация начинает меняться. Описывая данный период, авторы прибегают к работам К. Лоренца, М.К. Ганди, М.Л. Кинга, А.П. Назаретяна. Особо выделяют статью польского философа А. Гжегорчика «Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия», которая содержит политическое отражение того времени и несколько определений, относящихся к понятию «насилие», которые включают концепты «жизнь» и «свобода», но, как справедливо отмечают авторы, «явное формально-логическое противоречие находит свое содержательное снятие в контексте статьи, которая с позиций этики ненасилия фактически реализует апологию «цветной революции» (с. 16).

Без пристального внимания не остается и концепция А.А. Гусейнова, развиваемая в духе этики ненасилия. Он справедливо, по мнению авторов, связывает ненасилие с силой, указывая на их отличия, но все же данная концепция содержит определенные формально-логические и содержательные противоречия.

В попытке разрешить вопрос, который авторы сами задают в своей работе: «Возможно ли в определениях создать логическую цепочку "сила – насилие – экстремизм – терроризм"?» (с. 28), они используют труды А.В. Римского, Э.Л. Радлова, Х. Хофмайстера и Аристотеля, однако приходят к четким, философски и логически выверенным определениям И.А. Ильина, изложенным в книге «О сопротивлении злу силою», написанной в целях конструктивной полемики с Л.Н. Толстым. Авторы находят принципиальное утверждение И.А. Ильина о том, что «не всякое заставление является насилием, а только то, которое ведет ко злу. Принуждением следует считать все воздействия воли, ведущие к добру, примеры которых довольно обширны – от воспитания до культуры и цивилизации» (с. 37).

Подводя итоги, авторы вносят собственные уточнения в первичные определения насилия, указывая на ограниченность существующих подходов к определению насилия, вызванных этизацией проблемы, и образование категориальной пары «насилие – ненасилие». Авторы четко различают понятия насилия (как принуждение, ведущее к деструкции и нарушению свободы), принуждения (как властное управление предполагающее наличие свободы и субъективации человека) и силы (как родовое абстрактно-всеобщее понятие).

В пятой главе под названием «Голая жизнь», мифологическое насилие и война» В.П. Римский и С.Н. Борисов задаются целью исследовать сакрально-мифологические основания бытия человека, его «голой жизни» в связи с генезисом насилия как преодолением животной агрессии. Авторы отмечают: «Нас интересует сама возможность возникновения насилия, его отрыв от "биологической агрессии" и охранение "голой жизни" в мифологическом насилии, что проявлялось в элементарнейших формообразованиях – в конкретных практиках архаического насилия. Мы исходим из того положения, что данный процесс неразрывно связан с феноменом ритуально-мифологической символизации, превращением агрессии в насилие и снятием, ограничением последнего в культурных кодах первобытности, и прежде всего в мифе» (с. 88). Авторы указывают на схожесть своих взглядов с позицией Х. Хофмайстера в понимании насилия применительно к природе и человеку, но категорически не соглашаются с тем, что животное насилие «преследует определенную цель», в то время как человеческое насилие «не является целенаправленным». И предлагают тер-

мин «агрессия» (нападение) применять в исследовании животного мира, а термин «насилие» – при обращении к социальным и антропологическим феноменам: «Даже при первом приближении становится очевидным, что животные формы нападения встречающиеся в природе, то есть естественные, отличаются от человеческого нападения и насилия как противополоственных ввиду их преобладающей "нецелесообразности"» (с. 89).

Далее авторы задаются вопросом: «Как связаны исторические (биологические) предпосылки (истоки по Хайдеггеру) с действительными предпосылками, началом человеческой истории и, соответственно, человеческого насилия?» (с. 90). Для разрешения этого вопроса В.П. Римский и С.Н. Борисов обращаются к версиям интерпретации агрессии и насилия к родоначальника психоанализа З. Фрейду, к трудам Э. Фромма, В. Беньямина, В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова. В рассмотрении феномена жертвоприношений рассматриваются работы М. Мосса, Р. Жирара, Э. Тейлора, В. Никитаева, Д. Кемпбелла.

Подводя итоги, авторы убеждаются в том, что само выживание «гоминид» было связано со способностью ограничения исходной агрессии внебиологическими механизмами контроля. Эти механизмы контроля, в свою очередь, порождали ритуально-мифологическое насилие, которое было обусловлено надстройкой символического измерения агрессии над психофизическим: «Потому насилие всегда уже перекодировано в силу своего определения, все его проявления уже в первобытности даны в системах контроля, практиках ритуального присвоения и вытеснения, подчинены запрету. Ритуальное измерение структурирует разнообразную деятельность и оформляет ее в устойчивые и повторяющиеся формы культурных практик, которые можно назвать ритуально-мифологическими, поскольку они возникают и существуют в речи-мифе, манифестируются в мифологемах и ритуалах войны и жертвоприношениях» (с. 105).

В седьмой главе под названием «Социально-философские и морально этические аспекты насилия и ненасилия: марксистская версия» Н.П. Рагозин, В.П. Римский и К.Е. Мюльгаупт задаются целью исследовать проблему насилия и ненасилия как явление социальной жизни и его отображение в моральном сознании. Исходя из этого, насилие и ненасилие рассматриваются как специфические практики, проявляющиеся в различных культурно-исторических формах развития человечества. Прибегнув к толковому словарю В. Даля, а также к немецкому, французскому и английскому словарям, авторы определили, что слово «насилие» в русском языке, как и в романно-германских языках, относится к группе слов, в семантически-смысловом отношении связанных с понятием «сила». В обыденном сознании наличие силы вещей и обстоятельств нашего мира воспринимается как то, что противодействует, препятствует осуществлению наших действий и планов со стороны других людей, движимых злой волей. Это приводит к тому, что насилие представляется результатом непосредственного взаимодействия человеческих индивидуумов: «Насилие – это общественные отношения между людьми и сообществами по поводу собственности и власти, регулируемые внешним, деструктивным принуждением (чаще всего физическим) и проявляемые в форме господства человека над человеком или одних групп людей над другими» (с. 122).

Далее авторы рассматривают вопрос о природе общественных отношений, в рамках которых индивиды или группы людей прибегают к внешнему принуждению, обращаясь к трудам известных специалистов по этике А.А. Гусейнову и Р.Г. Апресяну, а также к ярким представителям «немецкой идеологии» К. Марксу и Ф. Энгельсу.

В конце данной главы авторы приходят к следующему выводу: «Анализ этических теорий насилия и ненасилия показывает, что проблема насилия и ненасилия не может быть решена одними лишь средствами моральных категорий. Автономия морали имеет смысл в противопоставлении гетерономной религиозной морали. Но если моральные категории

освобождаются от общественно-исторического содержания, то они неизбежно становятся формальными, из них уходит все богатство конкретных общественных отношений и противоречий, а вместе с ним уходит и возможность постановки и разрешения реальных, назревших исторических проблем» (с. 137).

В восьмой главе под названием «Тоталитарное насилие и человек массы» В.П. Римский и О.Н. Римская исследуют квазимифологический дуализм «мы – они», который служил легитимации тоталитарных политических режимов, зарождению нового социума и эксплуатации человека через идеологическое продуцирование энтузиазма.

В самом начале авторы отмечают, что «в силу потрясающей маргинализации и социодинамики, гегелевская инверсия "раба" в "господина" постоянно имела место в практике тоталитаризма. "Кто был ничем, тот станет всем!.." И, поверьте, в этом заключалось главное достижение и состоит истинная привлекательность тоталитарных режимов – прошлых, настоящих и будущих» (с. 138). Виктор Павлович и Ольга Николаевна ставят вопрос: «Неужели широкие слои народа, "народные массы" действительно обрели в тоталитаризме желанную целостность и полноту жизни?» (с. 138). С одной стороны, авторы обращают внимание на позитивные отзывы оставшихся в живых очевидцев, на слова ветеранов о том, что люди «тогда» были доброжелательнее, много пели и смеялись, жили бедно, но «в тесноте, да не в обиде». Понимая, что все эти высказывания могли быть просто ностальгией и никакого отношения к действительной реальности не имели, авторы прибегают к труду Н.Н. Козловой о горизонтах повседневности советской эпохи: голоса из хора. Но рассмотрев ее мнение о том, что первичные аффективные общности, отличающие массу и составляющие «бульон культуры», существуют в любых обществах, не соглашаются с ним и утверждают, что «повседневность традиционных обществ и повседневность индустриальных цивилизаций отличаются так же, как жизнь в пещере отличается от жизни в монолитном небоскребе – совершенно разные экзистенциальные ситуации. От того, что мы лишаем "человека массы" атрибута субъектности и сводим его к анонимному актору, мы не станем лучше его понимать» (с. 140).

Далее авторы указывают на исток и тайну тоталитарного энтузиазма и успехов тоталитарной экономики, говоря о том, что тоталитарная мифология создавалась не только для того чтобы управлять безликим человеком массы, но и для *сознательного* строительства тоталитарного космоса. Научно-рациональная сторона тоталитарного мифа требует определенного уровня рефлексии, что и отличает ее от либеральной мифологии: «Насколько осознанно человек массы усваивает себе смыслы мифологем, зависит не только степень репрезентативности тоталитарной культуры и идентификация индивида, но и само существование социокультурной системы» (с. 141). Орудием усваивания данных смыслов выступает тоталитарная культура и духовное производство, выраженные в том числе в формах фольклора и «низовой», «массовой» культуры.

Авторы при рассмотрении тоталитарного хронотопа вспоминают гегелевскую феноменологию с указанием на «второй сверхчувственный мир», то есть мир «наизнанку», который достаточно хорошо проецируется на экзотерическое тоталитарное пространство-время как перевертывание традиционного культурно-символического хронотопа. В конце данной главы авторы приходят к мнению, что «в тоталитарной культурно-цивилизационной системе была определенная синтетичность духовной жизни, иначе тоталитаризм не был бы таковым – «целостным»» (с. 164).

Особенно хотелось бы выделить пророческие слова Виктора Павловича, высказанные им в начале этой главы: «Мы, разрабатывая различного рода постмодернистские интуиции и теории "мультикультурности", расчищаем дорогу и унавоживаем (потрясающее в употреблении слово! – *прим.авт. – Р.С.*) почву для нового, "виртуального", компьютерно-

информационного неототалитаризма, по сравнению с которым сталинизм скоро нам покажется действительно «раем земным» (с. 140).

Рассмотрим первую главу второй части книги под названием «Учение Л.Н. Толстого о непротивлении: политические, религиозно-философские и литературные контексты». В данной главе В.П. Римский, С.В. Резник, К.Е. Мюльгаупт пытаются взглянуть на Льва Толстого и его идеи сквозь «зеркало русских революций». Авторы отмечают, что «на данный момент исследователи не обратили внимание на тот факт, что сборники "Проблемы идеализма" (1902), "Вехи" (1909) и "Из глубины" (1918), а также вся актуальная полемика вокруг них, делящаяся до наших дней, внутренне, на смысловом уровне и была построена вокруг дихотомии "насилие – ненасилие": "личностное" самосовершенствование и "нравственный стоицизм" vs революционное насилие. Л.Н. Толстой здесь был – неявно и явно – нравственным арбитром и религиозно-философским контекстом!» (с. 230).

Идеи критики любых форм насилия и непротивления злу силой, по мнению авторов, сформировалось у Льва Толстого в процессе создания романа «Воскресенье», который содержит в себе все духовно-нравственные искания Л.Н. Толстого. Авторы, рассматривая коллизию, связанную с толстовской проповедью прощения и его желанием отказаться от собственности, опираются на труд Е.Д. Мелешко «Христианская этика Л.Н. Толстого». Рассматривая критику И.А. Ильина, упрекавшего Л.Н. Толстого в абстрактном морализме, заключающемся в утверждении, что Л.Н. Толстой из моральных соображений отрицал всякое насилие и рассматривал как насилие всякое физическое принуждение, авторы отмечают, что полностью согласиться с такой критикой не представляется возможным. Защищая простую и очевидную истину любви и непротивления как в массовом, так и в «научном» сознании, авторы указывают на труд Ю.Н. Давыдова «Макс Вебер и Лев Толстой», в котором Давыдов свидетельствует о том, что в России времен «позднего» Толстого уже не представляли, как правило, никакого другого противления злу, кроме насильственного. Виктор Павлович Римский с соавторами подчеркивает: «Данный вывод автора справедлив не только для царской России начала прошлого века, но во многом и для современного положения дел во всем мире» (с. 236).

Важно отметить, что Л.Н. Толстой нигде не говорил о не сопротивлении, то есть покорности, потаканию злу. Непротивление в толстовском понимании является противоположностью не сопротивлению и включает в себя такие «орудия», как разум и любовь.

Далее авторы рассматривают воззрения Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, М.О. Гершензона в оценке нравственной философии идей Л.Н. Толстого. Приводят мнение более критичного П.Б. Струве (основного сподвижника И.А. Ильина), который клеймит Л.Н. Толстого за его религиозный анархизм. И отмечают статью Д.Н. Хомякова «О непротивлении злу», который пишет ее в самый разгар интеллигентских и политических споров об итогах первой русской революции: «В статье Д.А. Хомякова мы находим очень глубокое философское и духовно-нравственное осмысление проблематики "насилия и ненасилия", "войны и мира", "противления и непротивления" с позиции православия, отличающего его мысли как от формальной "общечеловеческой" и "универсально религиозной" этики непротивления Л.Н. Толстого, так и от формально-правовой диалектики И.А. Ильина» (с. 242).

Проанализировав толстовскую критику государства и власти как основных институтов насилия в мире, авторы переходят к рассмотрению обоснованности упреков в адрес Л.Н. Толстого за его «непротивленческий анархизм» и рассматривают эту проблематику на примере произведений Б.В. Савинкова «Конь бледный», «Воспоминания террориста» и «Конь вороной», подчеркивая, что религиозно-философская направленность в осмыслении насилия и ненасилия отчетливо прослеживается в образах его персонажей.

В конце данной главы авторы приходят к мнению, что «идеи Л. Н. Толстого о непротавлении злу насиллем являются глубоко продуманной и прочувствованной жизненной позицией, воплотившейся не только в произведениях писателя, но и в его поступках. Вполне следует согласиться с утверждением, что ненасилие Л.Н. Толстого больше, чем философская система, религиозная концепция, этическая программа или какая-либо иная локальная доктрина. Скорее это жизнеучение...» (с. 251).

В третьей главе второй части книги под названием «И.А. Ильин vs Л.Н. Толстой: философские смыслы полемики» В.П. Римский и К.Е. Мюльгаупт рассматривают книгу И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», делая попытку осмыслить и понять заочный спор И.А. Ильина и Л. Н. Толстого. В самом начале авторы обращают наше внимание на то, что «к сожалению, и тогда, в эмиграции, и сейчас никто из отечественных спорщиков при попытках разрешения дихотомии "насилие – ненасилие", даже не пытается внимательно рассмотреть категорию "сила" в качестве "родовой" как по отношению к насилию, так и к ненасилию» (с. 270).

Толстовский императив непротавления насилию подвергался критике не только со стороны И.А. Ильина. Его критиковали В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, В.И. Ленин, Н.А. Бердяев и другие ведущие представители русской религиозно-философской мысли конца XIX – первой половины XX века. Проведя реконструкцию и всесторонний анализ их фундаментальных полемических доводов, Виктор Павлович Римский и Константин Евгеньевич Мюльгаупт выделили позицию М.Л. Гельфонда с его тремя основными аргументами, к которым прибегали критики Л.Н. Толстого: аргумент бегства от зла, аргумент целесообразности и аргумент жертвы.

Далее авторы отмечают, что И.А. Ильин в своей книге сознательно не использует историко-культурные, историко-религиозные и социально политические аргументы: «Разумеется, философ и не думал скрывать политико-идеологический посыл своей книги, написанной сразу же после высылки из большевистской России. Но ее содержание, логика и аргументация, были выстроены строго академически, совершенно в стиле профессора И.А. Ильина» (с. 272).

Оспаривая концепцию непротавления, И.А. Ильин принципиально разделяет понятия «насилие» и «принуждение» и переводит проблему от непротавления насилию к непротавлению злу силою, обозначая тем самым главный вопрос: может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу мечем и силою? В своей книге И.А. Ильин разрабатывает схему разных форм «заставления»: внутреннее и внешнее «самозаставления» делятся на психические и физические. Указывает на различие между достаточно свободным, убеждающим «заставлением» других, понуждением других и насилием над другими. Именно этих различий, по мнению И.А. Ильина, недостает концепции Л.Н. Толстого.

Далее авторы рассматривают вполне справедливую критику толстовской моральной философии с ее абстрактным гуманизмом и указывают на гностико-манихейский нигилизм Л.Н. Толстого по отношению к миру. В конце данной главы авторы приходят к мнению: «Выступая с резкой критикой толстовской идеи непротавления злу, И.А. Ильин пытался обосновать мысль о том, что в определенных случаях, когда все другие способы сопротивления злу исчерпаны, правомерно применение средств внешнего принуждения, в том числе смертной казни и военной силы. И.А. Ильин не возводит вынужденное обращение к силе в ранг добродетели, так как применение насилия всегда остается делом неправомерным (хотя и не всегда греховным). Как вести себя при встрече с социальным и моральным злом, какими средствами противодействовать ему – дело нравственного выбора: правильный выбор может сделать только духовно и нравственно здоровая личность» (с. 285).

Рассмотрим заключение в виде отдельного соавторского рассуждения (научного труда) Виктора Павловича Римского и Сергея Николаевича Борисова под названием «Свобода и насилие в постсекулярном мире». В самом начале авторы обращают наше внимание на очень важное и парадоксальное событие, которое легло в основание нашего христианского мира – добровольную и свободную Смерть и Воскресение Богочеловека. И предлагают попытаться соотнести парадоксальность истинной веры с контекстами нашего существования в перспективе прорыва к озарениям в постижении смысла бытия: «Надо признать, что в нашем ограниченном "современном" осмыслении трансцендентного и абсурдного События (свободной Смерти и Воскресения Богочеловека), тем не менее, присутствуют вполне рационализируемые концепты Бога и человека, свободы и насилия, жизни, смерти и бессмертия» (с. 437).

Отталкиваясь от исходного для христианской антропологии библейского учения о творении Богом мира и человека, авторы переходят к рассмотрению трудов Блаженного Августина, заложившего основы западной христианской антропологии, рассматривают решение античной антропологической дилеммы души и тела, изучают размышления над онтологическими контекстами времени, дилеммой жизни и смерти, христианским принципом свободы человека. На основании этого авторы задаются вопросом: «Каким образом фигура сакрального насилия/смерти и Событие сакрального Бессмертия на два тысячелетия определили действительно парадоксальный взлет рациональной мысли и поисков свободы, которые заканчиваются уже в «постхристианском/постсекулярном мире» совершенно асимметричной фигурой профанного бессмертия человека и биотехнологического освобождающего насилия над грешной плотью и душой человеческой?» (с. 441). В данном вопросе авторы указывают на различные трансгуманистические проекты конструирования «бессмертного человека», которые являют собой единый вполне уважаемый научно-метафизический проект, который официальная наука не желает замечать и игнорирует. Трансгуманистическое бессмертие, по мнению авторов, позволяет глубже постичь тот факт, что последние культурно-цивилизационные тенденции не столько увеличили пространство свободы современного человека в сфере культуры, информации и коммуникации, сколько показали «атавистичность старых механизмов власти и господства, законсервированных "ценностями" правящей элиты во всех без исключения странах» (с. 444). При рассмотрении данной темы авторы обращаются к трудам Г.М. Тавризяна, Л. Мамфорда, М. Маклюэна, Ф. Киттлера, В. Беньямина, С. Жижека, Ж. Бодрийера и М. Фуко.

В конце данной главы авторы приходят к мнению, что трансгуманизм, ориентированный на естественные науки и технику, предлагает сделать этический выбор между жизнью и смертью, где смерть – это зло, а жизнь – добро. В этом утаивается религиозно-метафизический подвох, включающий в себя псевдорелигиозные концепты, которые фактически отрицают свободу человека и являют собой скрытую апологию насилия: «Уничтожив или абсолютизовав смерть, мы разрушим онтологические основания и ценностные ориентиры жизни. Ибо именно смерть делает возможной и жизнь, и свободу человека. В этом парадоксе не только суть философии Хайдеггера, одного из философских авторитетов в проблематизации смерти, но и весь смысл Воскресения Христа. Проекты уничтожения/преодоления смерти снимают любые программы "временения будущим" и становятся новым механизмом угнетения человека "здесь и сейчас", в "вечном настоящем", отрицанием не смерти, но свободы человека» (с. 458).

Подводя итоги данного отзыва и делая выводы, мне хотелось бы отметить, что книга «Философия войны и мира, насилия и ненасилия» под редакцией Виктора Павловича Римского являет собой замечательный труд выдающихся философов и филологов современности. Каждый, соприкоснувшийся с этим трудом, обретет для себя новое видение извечных

вопросов войны и мира, насилия и ненасилия. И по моему глубокому убеждению, выраженная во введении данного коллективного исследования надежда пробиться к человеку сквозь толщу «гранд нарративов» и исторических эксцессов была полностью реализована В.П. Римским во всей своей полноте.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рубежанский Сергей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного университета, Белгород, Россия

Ивашина Роман Анатольевич, старший преподаватель кафедры философии и теологии Белгородского государственного университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Rubezhanskiy, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State University, Belgorod, Russia

Roman A. Ivashina, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State University, Belgorod, Russia